

Кирилл Ласкари: Шестидесятый пируэт

Сомела. - С. - 1985. - 29 сент. - С. 6.

ОТЦОМ балетмейстера Кирилла Ласкари, известного в заинтересованных кругах и авторством пьес, повестей и сценариев, был знаменитый Александр Менакер. Мамой - Ирина Ласкари, первая женщина, исполнявшая грузинские танцы в черкесске, на пальцах и с кинжалом. Его бабушка тоже была первой - среди актрис немого кино Грузии, - и первая "Раба любви" могла бы возникнуть из рассказов "Буси", с которой Гена Шпаликов однажды всю ночь просидел в мансарде на Герцена, где и сейчас живет Кирилл. Андрей Миронов приходился ему братом. Стоит ли говорить об особой атмосфере, царившей в доме, где собиралась аристократия высшей актерской пробы - от "дяди Леди" Утесова до Олега Стриженова и Евгения Евстигнеева. Ясно, что человек, воспитанный в подобной среде, изначально обречен зарабатывать на хлеб творчеством. Только почему выбор пал на балет?

- ПОТОМУ что принято считать: артисты балета не самые умные ребята. Существует расхожий штамп о мужиках из балетного мира - мол, они поголовно или голубые, или идиоты. Всей своей жизнью мне хотелось доказать обратное.

- Думаете, доказали?
- Во всяком случае среди пишущих не так много балетных людей. И мне хватило ума сообразить, что писать надо только про свой мир. Когда моя повесть "23-й пируэт" была еще в гранках, вышла рецензия какой-то сукки - забыл фамилию, - где она поспешила объявить, что автор все подсмотрел в замочную скважину. Позже Лева Куклин встретил ее где-то и уточнил: Ласкари не надо было ни подсматривать, ни придумывать - он сам находился за этой замочной скважиной.

В какой-то мере толчком для "23-го пируэта" послужил эпизод работы Григоровича над "Каменным цветком". Это происходило в знаменитом репетиционном зале на Зодчего России. Все было очень красиво - казалось, что у Юрия получается замечательный дуэт Хозяйки Медной горы и Данилы-мастера. И вдруг к нему тихонечко подошла Алла Яковлевна Шелест, что-то шептала, Григорович быстро подправлял какие-то детали и все становилось безупречным!

Меня это тогда, вьюношей, поразило, и позже я попытался пережить ощущение передать в истории о краже таланта. Но не было крохотной детали, чего-то неуловимо конкретного, чтобы все это задыхало и ожило. Пока меня не осенило, что героиня - это я. Она тоже живет в мансарде и выходит на крышу, и у нее девятилетняя бабушка, у которой два котика - Петя и Павленок. Все это потом совершенно омерзительно сняли в картине "Миф".

- Повесть "И-раз!", по которой снят фильм "Фуфло", где действуют балетмейстер и вор в законе, тоже написана "про себя"?

- Когда-то несколько недель я провёл во Владивостоке. Отправился туда на мертвецкий чes, чтобы заработать на машину: сделал "Томас Соьера" с Камой Гинкасом, программу для портового варьете и на сейнере, номер "Малая земля" в ансамбле Тихоокеанского флота... Уходил из гостиницы в девять и возвращался в двенадцать - падал на постель, не снимая ботинок, чтобы минуть за пятнадцать

прийти в себя и отдышаться. И почти всегда по возвращении заставал у себя в номере уголовника Юру по кличке Сейф. Черт его знает, как он туда проник и чем я ему приглянулся, но ночевал Сейф у меня регулярно, причем устраивал постирушки с развешиванием по номеру носков, трусов, оставлял мой помазок в мыле - я это дико люблю. Он ходил в поношенном голубом американском костюме. Бледный загар, шрам на морде и длинные пальцы - страшный мальчик.

Как-то Сейф отсидел у меня на репетиции и спросил: сколько ты получаешь? Я ответил: столько-то. Он говорит: ладно, я видел твою работу - вечером покажу тебе свою. И завел меня в ресторан "Челюскин" - старый кабак, где раньше располагался белоохранский клуб. Там рядом с танцплощадкой повешена красная плюшевая портьера, отгораживающая сортир. Он говорит: стой здесь. И мимо танцующих пар прошел, как нож сквозь масло. Вернулся ко мне: идем. В сортире показывает бумажник: "Вот моя работа". Я заверещал: "Отдай немедленно!" - "Почему отдай? Просто положи на место. Но четвертак-то мы заработали". Достает из бумажника 25 рублей, проходит по залу - танцы продолжают - и садится за столик: "Я уже положил, как ты просил".

И вот мне с кучей денег через несколько часов улетать в Ленинград - причем где-то гонорар я получил в стакане, и замканные купюры расставаны по всем карманам - а в мой номер снова заявляется Сейф. Я понимаю: сейчас у меня отберут деньги и на этом все кончится. Он говорит: "Ты думаешь, один такой Сейф во Владивостоке (а до этого в ресторане он меня знакомил с каким-то колченогим паханом) - давай твою капусту, положим ее на аккредитив". И я убеждаюсь: хана. С этим ощущением неизбежной ханы шлялся с ним по залам сберкассы, томился, распивая коньяк в ресторане аэропорта и коротая задержку рейса. Наконец, когда объявили посадку и меня слегка отпустило, говорю: "Юрка, тебе оставить адрес?" - "Да не надо. Буду в Питере, я тебя найду. Уж больно ты мне понравился. Ты набрал на машину? Может, тебе подкинуть бабок?"

Под впечатлением знакомства с Сейфом я написал повесть, под которой сняли картину, где ничего моего не осталось. Я все

не шел смотреть, скандалил, но позвонил Игорь Масленников: не вайды дурака, приходи, хрен с ним. Сидю в просмотровом зале - идут слезанные с Америки мелкие бесконечные титры. На их фоне - "Мерседес" (в моем сценарии тоже машина, но все не так), раздвинутые ноги - этого у меня не было, клянусь! - и герой кого-то трахает. Его ноги по песку елозят, а титры все тащатся. Потом камера так ползет, ползет - и на заднице написано: автор сценария - Кирилл Ласкари. И все вокруг этого. Уже вышли "9 1/2 недель", там забавы с ягодкой - здесь арбуз куда-то запикивается. Мы с женой ушли потрясенные с этого фильма под названием "Фуфло" - истинное фуфло и вышло. Впрочем, я сам виноват, потому что давно знаю: если согласишься на компромисс - ничего не получишь. Ни в личной жизни, ни тем более в творчестве. Ведь мог же я в конце концов, видя, что все заваливается, попытаться запретить, не допустить.

- Надеюсь, за фильм-балет "Повесть о холопе Никишке" вы не казнитесь?
- Нет, конечно. Кое-что сейчас смотрится наивно, но есть очень симпатичные места. Мы егосняли с удовольствием - ночью, за двадцать смен. И это первый фильм Миши Барышникова - он изумительно станцевал человека, который избрал первые Крылья. Да что говорить, Миша - гений. И он тоже все время хотел оторваться, взлететь - я рад, что подругил его с Володей Высоцким, Мишей Жванецким.

- Что ему это дало?
- Общение, кругозор! Окунуло в совершенно другую атмосферу. Что он видел, мальчик из Риги? Балет... А тут сблизился с Андрюшенькой моим - Андреем Мироновым, Шурой Ширвиндтом. Да ну - всеми.

- Интересные были сборища?
- Очень. Но мы почти не говорили о деле, об искусстве, когда гуляли или собирались за столом. Много было молодого трепа, розыгрышей. Помню, как-то ночью, в четыре утра, раздался звонок. Моя бывшая жена открыла дверь, отпихнув меня, чтобы я не лез. А за дверью - без пальто, босиком Миша, Марк Захаров, Андрюша и Шура Ширвиндт: пустите, нас ограбили. Когда выяснилось, что все это вранье, разразился скандал, и они ушли, оскорбленные, предвительно сплели банку с грибом. Не поленились отправиться на Московский вокзал, где сдали гриб в камеру хранения и отослали мне квитанцию. На следующий день позвонили из "Астории": "Ну ты, подкаблучник, приезжай, водки поставим - тебе же дома не дают выпить". Такое вытворяли - уму непостижимо.

пять утра и под чудным южным солнышком работал. Андрюша появлялся на цыпочках, прикладывая палец к губам: "О, ты у нас стал писателем - с тобой надо обходиться крайне интеллигентно и осторожно, ещеобразишь ненавроком". Через несколько дней он не выдержал: "Кончено! Ты мне надоел. Сегодня вечером к нам придут две дамы - артистки. Завяжи с этим делом". Разбросал мои листы по номеру, приговаривая: "Ни хрена, такое бывало - Гоголь сжег свои рукописи, а я побросал твои и похожу по ним немножко".

Вечером с двумя артистками из гастролировавшего здесь же Театра сатиры усаживаемся за столик ресторана "Камелия". Андрюша спрашивает: "Девочки, вам нравится Кирилл Александрович?" - "Ой, Кирилл Александрович..." "Сейчас я покажу вам подлинное лицо Кирилла Александровича". Заказывает море водки, две бутылки сухого и символическую закуску: "Девочки, засекайте время. Сейчас у нас 8 часов. В 25 минут девятого вы увидите подлинное лицо Кирилла Александровича". Только выпили - наливают еще. Сам он очень хорошо пил - я его никогда пьяным не видел. А меня через 25 минут совершенно развезло. Мы идем - я полон шумного энтузиазма. На площадке около гостиницы сидят: Плущек, Анатолий Дмитриевич Папанов, Георгий Павлович Менглет с женой - Андрюша меня всячески оттуда отволакивает, хотя я отчаянно упираюсь. Наконец запикивает в лифт, отводит в номер и запирает. Утром просыпаюсь - он со мной не разговаривает. А я ведь нарочно ему подыгрывал...

- Позорище какое.
- Да нет, позорища не было. Мы потом вместе хохотали.

- Вы ставили хореографию великим людям. Работая с вами, они не сопротивлялись, не капризничали?

- Нет. Большие артисты - никогда. Замечательна в этом смысле Алиса Фрейндлих. Счастливо было работать с Райкиным, хотя он меня и мучил. Прихожу к десяти, а Аркадий Исаакович уже на месте: "Ты опаздываешь! Посмотри здесь. А здесь?" Я говорю: это вам будет сложно. "Ты покажи сначала, потом скажешь - сложно, несложно".

Я так благодарен подобным людям! Если что-то во мне и есть - именно они привили мне любовь и преданность к театру, к искусству. Страшно удручает, что нынче исчезло ощущение театра как праздника. Остался только какой-то лихорадочный эпатаж на манер постановок Виктюка. А раньше премьеры райкинского спектакля - грандиозное событие в городе. Танцуют Дудинская и Сергеев - событие, причем не только для нас, мальчиков и девочек из Вагановского училища. Позже премьеры в БДТ - снова невероятный праздник.

- Что еще увлекало в юности?
- Когда любимая учительница, которая тоже меня любила, обнаружилась в моей парте джазо-

вый разворот журнала "Америка" с Эллой Фитцджеральд, Нат Кингом Колом, Синатрой и Армстронгом, было устроено великое побоище, и я чуть не вылетел из училища.

А Андрюша мечтал о джазовой ударной установке из музыкального магазина на Петровке. На Петровке же, у него дома, где он родился, мы расставляли кастюли и с упоением колочили буги-вуги.

- Тянуло за железный занавес?

- Безумно. Мы компанией приходили в тайный дом, где человек по фамилии Абрамович за рубль показывал нам "Серенду Солнечной долины". Все это смахивало на ленинскую маевку: приход втихаря на квартиру, жужжание проектора в темноте. Мы с приятелями - кстати, не танцорами, я мало дружил с ребятами из училища - были помешаны на джазе.

Когда появились подписные издания, по ночам стали дежурить у Дома книги. Подписывались на все, вплоть до Лу Синя. Устраивали переключки, метались между магазинами, узнавая, где и сколько дадут экземпляров. Стоял Рэм Лебедев - там я его впервые увидел, Толя Шведерский, да множество собиралось народу. Кроме того, мама всегда привозила с гастролей книги, и папа их присылал - они ему, конечно, легче доставались.

- Часто ездили в Москву?

- На все каникулы меня туда отправляли, и Андрюша постоянно приезжал сюда. Поездка в Москву была праздником. Впервые, любимый брат, папа. Вторых, масса интересных людей, с которыми дружил папа, - Ласкин, Дыховичный, Утесов. В Москве я познакомился и с Володей Высоцким - но уже когда он приехал с театром на гастроли и позвонил, между нами установились особенно близкие отношения. У Володи были ключи от моей квартиры, как у меня - от его, на Грузинской. Случался с ним такой амок - садился в свой "Мерседес-480" и приезжал ко мне, хоть на пару часов. Просто поболтать, повидаться. Здесь он пел первые песни, но я ничего не запомнил из соулера. У меня нет ни одной Володиной напелой записи, кроме одной, где мы с ним вместе поем в моем спектакле "Необычайные приключения на волжском пароходе". Рукопись Володиных песен для "Парохода" привезла племянница Марины Влади. Мы с Барышом, встретившись с ней вечером у "Астории", схватили рукопись и, толком даже не поблагодарив, бежали - боялись слежки. Марина рассказывала, племянница поразилась, что мы с ней не погуляли в белую ночь, не пригласили в ресторан. А она была как мадам Бонасье, в таком легком размахайчике - хорошенькая!

Когда хоронили Высоцкого, Андрюша сказал: "Меня так хоронить не будут". С ума ты сошел? А ему оставалось жить семь лет. После Володиных похорон мы с Владиком Стрельниковым всю ночь в вагоне проговорили - вспоминали Фиму Копеляна, всех, кто ушел, их знаменитые хохмы. Я рассказал ему, как встречался с Высоцким во время гастролей Малого оперного по Франции. Мы приехали в Париж 13 июля, и он подгадал на 13-е. Я жду, жду звонка. Вдруг стук в дверь - входит Володя: пошли вниз. Марина распахнула дверцу машины, я сел за руль, проехал квартал - и у меня закружилась голова. Володя положил мне в жилет 500 франков (нам тогда еще не выдали денег): "Только не трать на глупости!" Марина должна была улететь на съемки в Испанию, он остался один, и мы предвкушали, что побродим, как сумасшедшие, по безобразничаем. Но что-то там сорвалось, и через две недели ему пришлось уехать.

- С Барышниковым после его отъезда так и не виделись?

- Не виделись, но и не исчезли друг для друга. Когда у меня родился сын, Высоцкий привез от Миши полный чемодан детских вещей. Узнав, что я собираюсь ставить балет "Клоуны", Барыш прислал с Андрюшей книгу Феллини "Клоуны" - здоровенный том, который бедный Андрюша таскал по Америке, проклиная все на свете. В этом томе - надпись: "Дорогому Мише от Феллини" и между страницами вложена авторская акварель.

У Миши четверо детей. Старшей, Сашеньке, уже четырнадцать. На днях он позвонил. Я говорю: прошел слух, что тебя ждут на каком-то фестивале балета в Екатеринбург - Мишка, ты действительно приезжаешь? "Да нет. Давай лучше ты приезжай в Америку". - "Какая Америка? Не хочу я никуда". Договорились встретиться на нейтральной почве, где-нибудь в Хельсинки.

Иногда ночью, когда не заснуть, я думаю: если накрыть стол, из тех, кого я очень любил, мне некого пригласить. В Москве - пожалуй, остался только Вася Ливанов, с которым мы всю жизнь дружим. Я уже не люблю туда ездить - папы нет, Андрюши нет.

- И все-таки вы счастливые человек, несмотря на тяжелые минуты.
- В сущности, да. Приближаясь к шестидесяти, я выполнил все, о чем мечтал: пишу, ставлю. Другое дело, что, может быть, я разрывался, и, если бы сфокусировал себя на чем-то одном, это вышло бы интереснее. Но столько всего увлекательного было вокруг, так хотелось себя попробовать и в балетмейстерстве, и в режиссуре, и в писательстве.

Сейчас ставлю в Музкомедии и в Театре сатиры. Мечтаю, чтобы получились хорошие спектакли. Чтобы мы все испытали от этого радость. Чтобы актеры были счастливы - кто того заслуживает. Кто понимает, кто живет этим.

- Врете вы, что вам скоро шестьдесят.

- Да мне и самому кажется, что я чего-то перепутал.

Беседовала Елена ЕВГРАФОВА